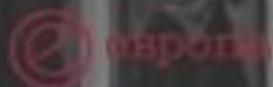

МЕЧТА О РУССКОМ ЕДИНСТВЕ

КИЕВСКИЙ СИНОВСИС (1674)

И. Ю. Сапожникова

О. Я. Сапожников

Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674)

Текст предоставлен издательством «Европа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171340

Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674): Европа; Москва;

2006

ISBN 5-9739-0054-1

Аннотация

Сочинение ректора Киево-Могилянской коллегии, архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля, составленное вскоре после Переяславской рады, утвердившей присоединение Украины к России, в течение целого века исполняло роль единственного учебника российской истории. С появлением подлинно исторических сочинений, начиная с Ломоносова, «Синопсис» перешел в разряд памятников культуры, иные из которых неожиданно обрели острую актуальность. «Синопсис» интересен уже тем, что ясно доказывает: идея объединения всего русского народа под властью единого государства рождена была не в Москве, а в юго-западных землях, и оформлена в Киеве. Сейчас, когда у соседей одна за другой издаются книги, авторы которых возводят

украинскую государственность к скифам и сарматам, особенно сильно звучит древний текст, в котором есть «Россия», «Русь», «Земля Русская», «Российская земля», «Земля Российская», «Государство Русское», «все государства Российские», «все Княжения Российские», «Государство Российское». В последних главах появляются «Великая и Малая, и Белая Россия». Ни слова «Украина», ни производного «украинский» в «Синописе» нет. «Синопис» – сочинение XVII века, современному читателю мало знакомы правила построения предложений, приемы «плетения словес», некоторые речевые обороты и отдельные слова. Чтобы облегчить восприятие текста, издание дополнено кратким словарем.

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

О.Я. Сапожников, И.Ю. Сапожникова

Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674)

Предисловие

Каждому ведь человеку необходимо знать о своей отчизне и другим вопрошающим рассказать. Ибо людей, не ведающих своего рода, глупыми почитают.

Феодосий Сафонович, игумен Киевского Златоверхого Михайловского монастыря (XVII в.)

«Киевский синопсис» – яркое и интересное явление русской культуры, литературы и истории. Сочинение было впервые опубликовано в типографии Киево-Печерской лавры в 1674 году и в течение XVII–XIX веков переиздавалось более 30 раз.

Что же делало этот труд XVII века столь востребованным русским обществом на протяжении более чем двух столетий?

XVII век был переломным в истории Европы – начина-

лось Новое время.

Существенные изменения затронули социальную, экономическую и политическую сферы. Одним из проявлений новых общественных тенденций стало появление национальных государств, строившихся на единстве народа-нации, общности исторической судьбы, культуры (важной частью которой являлась религия) и выборе единой модели социально-экономического развития. Восточная Европа переживала масштабные изменения, и многие признаки свидетельствовали о превращении «Русской земли» в «Русское государство».

«Киевский синопсис» был не только отражением процесса объединения России-народа и России-государства, но и средством борьбы за объединительную идею. Двумя идеологическими центрами этого исторического движения были Киев и Москва.

В этой связи показательна история издания и переиздания «Синопсиса».

Инициатива разработки объединительной идеологии исходила из Киева, и вслед за первым изданием 1674 года, в котором повествование заканчивалось царствованием Алексея Михайловича, последовало второе – 1678 года, в текст которого были внесены небольшие изменения и дополнения, связанные с вступлением на престол царя Федора Алексеевича. Количество глав, а их было 110, не изменилось. Третье издание, также осуществленное в типографии Киево-Печер-

ской лавры, было дополнено шестью главами о Чигиринских походах объединенного русского войска, предотвративших турецко-крымскую агрессию.

Последующие издания, начиная с 1736 года, выпускались Санкт-Петербургской академией наук. За основу было взято последнее киевское издание, и «Синописис» с тех пор неизменно включал 116 глав. Изменения коснулись другого: не делая перевод, который из-за общности славянского (древнерусского) языка и незначительной его архаичности был, в сущности, и не нужен, петербургские издатели использовали вместо кириллицы петровский гражданский шрифт. Кроме того, издатели сочли необходимым добавить пояснение о пророчестве Дмитрия Волынского перед Куликовской битвой, поскольку оно имело в своей основе языческое содержание.

Последние три издания 1823, 1836 и 1861 года снова были осуществлены в Киеве.

В основу настоящей публикации лег текст «Киевского синописиса» в издании типографии Киево-Печерской лавры 1836 года и доступный благодаря бережному хранению экземпляра в фондах Российской государственной библиотеки.

Что такое синопсис? Кто написал «Киевский синопсис»?

Синопсис (греч.) – обзорение, изложение, собрание некоего материала.

Современные аналоги этой формы – конспект, пособие, энциклопедическая статья. В традиции древнегреческой науки термин использовался для обозначения материала, изложенного в краткой безоценочной форме и содержащего исчерпывающие сведения о каком-либо предмете. В Византии синопсисами называли преимущественно богословские и исторические тексты. Главным принципом изложения исторических текстов являлся хронологический. Составителей синопсисов называли синоптиками.

«Киевский синопсис» являет собой удачный пример систематического изложения истории. Он содержит отобранные и представленные в хронологическом порядке краткие сведения об основных событиях русской истории, имевших, с точки зрения автора, судьбоносное для народа и государства значение.

Такой принцип изложения является переходной формой от летописания (составления хроник), характерного для Средневековья, к историческому научному исследованию, ставшему основной формой осмысления истории в Новое и Новейшее время.

Летопись создавалась человеком, погруженным в теоцентрическое мировоззрение.

Творцом человека и его истории выступал Бог, он единственный владел знанием смысла исторического процесса. Человек знал начало (создание человека, Адам, Ева, Ной) и конец – Второе пришествие Иисуса Христа и Страшный суд. Летопись создавалась для Бога, как свидетельство земной жизни отдельных людей и народов, поэтому летописец, осознавая свою посредническую роль, не дерзал давать событиям, фактам и людям индивидуальную оценку. Он был не «создателем» истории, а ее свидетелем. Летописец знал, что главное для человека – сохранение души, чтобы встать на Страшном суде по правую руку от Создателя. Если он и давал историческим персонажам и событиям оценки, то они касались соблюдения норм христианской морали. В этом проявлялась его «учительная» позиция. Беды, неудачи, поражения трактовались как предупреждение и наказание за грехи. Но летописец не был пессимистом; он выражал глубокий оптимизм, поскольку Бог, наделивший смыслом жизнь и историю христианского народа, обязательно сохранит и спасет его при условии бережения души и верности своему предназначению.

В Новое время совершается революционный переворот в сознании: на смену теоцентризму приходит антропоцентризм. Человек становится творцом мира, культуры, истории, нравственности и самого Бога. История превращается в

арену битвы человеческих сил: его желаний, представлений, заблуждений и т. д.

Исторический труд становится аналитическим произведением, где автор с заинтересованных позиций оценивает игру человеческих сил.

Этот упрощенный анализ мировоззренческого переворота приведен здесь с единственной целью – показать особенности текста «Киевского синопсиса».

Это уже не хронограф, но еще и не историческое исследование. Синоптик – участник современной ему истории; он уже не только фиксатор, но и выразитель определенной идеологии. Его авторская позиция выражается не в том, что он, как современный исследователь, прямо заявляет о своих взглядах, оценках, предположениях и выводах. Его позиция проявляется в первую очередь в *подборе и систематизации материала*. Единое монументальное полотно складывается, как мозаика, из разноцветных и разнофактурных «кусочков смальты» – эпизодов истории, каждый из которых играет своей индивидуальной краской на пользу единой идее произведения.

Индивидуальная позиция автора, а он сторонник общерусской идеи, скрывается и за традиционным для летописания *этикетом*. Например, для обозначения разделенных во времени событий и лиц используется одна и та же словесная формула. «Погаными», то есть язычниками, названы автором «Синопсиса» печенеги, половцы, татаро-монго-

лы, турки и крымские татары, в разное время противостоявшие русскому народу и государству. «Самодержцем Всероссийским» синоптик именует Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Александра Невского, Ивана Калиту, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича Романовых, что лишь внешне является формой вежливого титулования. На самом деле за этим скрывается продвижение идеи непрерывности и преемственности русской государственности.

Легкость и изящество, с какими автор «Синопсиса» направляет внимание читателя и формирует у него правильную оценку событий, связность и логичность повествования, гармония между формой и содержанием, – все это определило особую роль этого труда в формировании русской исторической науки. **На протяжении целого века «Киевский синопсис» исполнял роль учебника русской истории.** А затем, будучи оттеснен историческими трудами М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина и др., стал артефактом как русской истории, так и отечественной историографии.

Автором «Киевского синопсиса» является **Иннокентий Гизель** (Кгизель), на пике своей карьеры – ректор Киево-Могилянской коллегии и архимандрит Киево-Печерской лавры.

Некоторые исследователи высказывают сомнения в его авторстве, точнее, в единоличном его авторстве. Основные

пункты этой критической позиции таковы: 1) в главе 111 о нем говорится в третьем лице («всечестный господин Иннокентий Гизель»), 2) произведение содержит отрывки, различающиеся рядом текстовых особенностей.

По жанру «Синописис» – компилятивное произведение, включающее выдержки из других, также частью компилятивных сочинений. Упоминание Иннокентия Гизеля как участника встречи московских и казацких войск в Киеве, с одной стороны, может быть объяснено принятым в литературных трудах переходного этапа этикетом. И, с другой стороны, участие другого автора в работе над составлением «Синописиса» не лишает Иннокентия Гизеля роли основного организатора, руководителя и идеолога этого литературного проекта.

Иннокентий Гизель (1600–1683) родился в г. Кенигсберге, в польской Пруссии. Семья его принадлежала к реформатскому (или иначе – протестантскому) направлению в христианстве. Переселившись в юности в Киев, Иннокентий Гизель перешел в православие и принял монашеский постриг. По некоторым сведениям, он начал свое образование в Киевском братском училище, а затем по рекомендации своего наставника митрополита Петра Могилы был послан учиться за границу. Гизель закончил свое обучение курсами истории, богословия и юриспруденции в Львовской латинской коллегии. С 1645 года он последовательно был игуменом нескольких православных монастырей. А в 1647 году Петр Могилы

ла завещал Иннокентию Гизелю титул «благодетеля и попечителя киевских школ» и поручил надзор за Киево-Могилянской коллегией. В 1648 году он занял пост ректора этого учебно-просветительского учреждения. Архимандритом Киево-Печерской лавры он стал в 1656 году.

Иннокентий Гизель остался в истории как яркий богослов, проповедник, просветитель, церковный и общественный деятель. В течение своей долгой жизни он был свидетелем и участником судьбоносных для России и православной церкви событий. В 1654 году печерский архимандрит встречался в Смоленске с царем Алексеем Михайловичем, а впоследствии неоднократно писал к нему. Киево-Печерская лавра получала богатые дары от Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны.

Иннокентий Гизель действовал в русле церковной и общественной политики Петра Могилы, то есть был сторонником самостоятельности Киевской митрополии и ее пребывания под формальной властью Константинопольского патриарха. Это помешало ему стать таким деятелем общероссийского масштаба, как, например, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович, Дмитрий Ростовский. В истории он остался представителем региональной элиты.

Русская общественно-политическая мысль XVI–XVII веков: взгляд из Киева и Москвы

«Киевский синопсис» – свидетельство рождения, поддержания и отстаивания объединительной русской идеи церковными кругами Юго-Западной Руси, находившейся в составе Речи Посполитой. История не раз давала возможность убедиться в том, что объединительные тенденции наиболее ярко проявлялись на периферии стран, земель, ареалов расселения народов. Опасность соседства с чужеродной культурой, гнет чуждой государственности жители окраин ощущают острее, и именно они часто являются инициаторами центростремительных процессов.

Россия же в XVI–XVII веках строила свою государственность на иных идеях. Флорентийская уния 1439 года, падение Константинополя в 1453 году и свержение Ордынского ига в 1480 году – вот основные события, занимавшие великорусское сознание в XV–XVI веках и послужившие точкой отсчета для формирования в умах элиты и народа новой самоидентификационной модели.

Видение России как части единого православного мира, сохраняемого Константинополем – «православным Царством», стало невозможным. Турки, захватившие Царьград, разрушили в русских умах прежнее христианское видение всемирной истории. И здесь пригодилась популярная в сред-

ние века концепция «блуждающего Царства».

Старец Филофей, монах Елеазарова Псковского монастыря, в посланиях Василию III Ивановичу, Ивану IV Васильевичу и дьяку М. Мисюрю-Мунехину четко сформулировал идею, уже давно осознаваемую русским обществом, – идею цивилизационной самостоятельности и единоличной ответственности Русского государства за сохранение православного мира. Не гордыня, не спесь, не пресловутые «имперские амбиции» слышатся в текстах Филофея, а историческая обреченность из-за единственно возможного выбора и тяжелая ответственность: «Раскрой глаза, посмотри окрест – и ты увидишь очевидное: нет больше в мире православных стран, некогда прославленных, православной осталась одна Русь, именно она есть православное царство, сам же ты никакой не великий князь, а православный царь», «Так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём государстве: один ты во всей поднебесной христианам царь».

Концепция «Москва – третий Рим» послужила основой для возникновения других – инструментальных – идей. Легитимность власти Московских Великих князей и царей обосновывалась традиционно для средневекового сознания: 1) через доказательство сохранения прямой династической преемственности, 2) посредством историй о передаче символов царской власти. Путь, по которому лилась непрерывная река царственной крови и по которому передавались свя-

ценные символы власти, был таков: Рим ветхий – Константинополь – (Киев) – (Владимир) – Москва.

«Повесть о белом клобуке» Дмитрия Герасимова (?)¹ объясняла, каким образом символ высшей церковной власти перешел из Рима в Константинополь, а затем появился на Руси.

В «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и близком к нему «Сказании о князьях Владимирских» (Пахомий Серб?, Дмитрий Герасимов?) была высказана идея о происхождении династии Рюриковичей от легендарного Пруса – родственника Римского императора Августа. Здесь же излагалась история передачи царских регалий от императора Константина Мономаха своему внуку Киевскому князю Владимиру Мономаху. Эти идеи получили всеобщее признание, и потому широко использовались во многих сочинениях.

Другая тема, которая занимала русских идеологов, – решение вопроса о соотношении светской и церковной власти, когда и царская, и высшая церковная власти оказываются в одном государстве. Тогда всем было ясно, что исторически сложившаяся иерархия патриархов – дань традиции. Постоянные слезные обращения восточных патриархов, стесненных другими религиями и неправославными государствами, за имущественным и денежным содержанием к русским царям, наводили на мысль об истинном положении дел в пра-

¹ (?) – Знаком вопроса помечены места, где авторство доподлинно не установлено.

вославном мире – о первенстве русской церкви.

В русской церкви оформились две «партии» – иосифлян и нестяжателей.

Иосифляне (так называли сторонников Иосифа Волоцкого, влиятельного игумена Успенского Волоколамского монастыря) считали сохранение единства страны главным условием укрепления церкви. Они боролись за строгое соблюдение православных норм, и потому для них борьба с сепаратизмом являлась формой жесткого противостояния ересям. Многочисленные *нестяжатели* или «заволжские старцы», чьим духовным лидером был Нил Сорский, боролись против церковной собственности (т. е. стяжательства). Они стремились возвысить церковь и монашество до уровня высокого духовного служения, подвижничества. Очевидно, что представители обоих непримиримых направлений отстаивали приоритет церкви над государством, и их идеологическое противостояние было лишь спором о методах воздействия церкви на светскую власть.

Сочинения Ивана IV Грозного, Ивана Пересветова отражали другую позицию: их авторы защищали тезис о верховенстве светской власти над властью церковной. В острой и длительной дискуссии, развернувшейся в XVI веке, победу одержала реалистическая политическая линия сторонников самодержавия, согласно которой руководствоваться нужно интересами здесь и сейчас существующего Русского государства.

Эта победа показала, что Россия пока не хочет переходить от государственной идеи к осуществлению идеи вселенской или имперской. Страх за Россию, за ее сохранность определял мировоззрение русской идеологической элиты. «Посмотри на все это и подумай, ... как погибли эти страны!» – один из мотивов переписки Ивана Грозного и его оппонента – бежавшего в Литву князя А. Курбского.

САМОдержавие – это не только единоличная централизованная власть, но и власть суверенная, независимая, «своя». В России XVI века были сделаны первые шаги в направлении разработки и реализации теории русского суверенитета. Примечательно, что и в ряде европейских стран в это время появилась потребность в обосновании национального суверенитета: итальянец Макиавелли, француз Боден и немец Лютер высказывали идеи, близкие взглядам Ивана IV Грозного.

Основной идеологической позиции русского царя стали политический реализм, прагматизм, реализация национального русского интереса, отказ от решения казавшихся невыполнимыми задач. «Ничем я не горжусь и не хвастаюсь, и ни о какой гордости не помышляю, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил».

Смута начала XVII века подорвала российскую государственность, Третий Рим зашатался... Но следование традиции и стремление отстоять свою веру, свое государство, свой народ одержали победу в сложном противостоянии разнооб-

разных политических сил. Сгинули в небытие «первый русский император» – амбициозный Лжедмитрий I и другие самозванцы. А Романовым потому и удалось стать основателями новой династии, что они в глазах народа были продолжателями династии Рюриковичей.

Итак, сохранение православия, соблюдение «исконных» прав сословий, сохранение своих традиций и защита своей земли от иностранной и иноверческой агрессии – вот идеи, также ставшие основой новой-старой русской государственности.

Споры о соотношении светской и церковной власти возобновились в XVII веке при втором Романове – Алексее Михайловиче. Патриарх Никон пытался поставить священство выше царства, церковь выше самодержавия, претендовал на место первого вселенского патриарха. Это таило в себе угрозу использования русского государства для решения религиозных проблем всей православной ойкумены. Не подкрепленные реальными ресурсами амбиции патриарха привели, в конечном счете, к краху его карьеры.

Под его идеологическим диктатом Россия напряженными усилиями воссоединилась с православными Малой и Белой Русью. Можно только представить, что стало бы с русским государством и страной, будь Никон первым вселенским патриархом... Но победа осталась за царем.

Следует задуматься над тем, почему Алексей Михайлович вошел в историю под титулом «Тишайший». Не пото-

му, что в его царствование не было социальных потрясений: были и Медный, и Соляной бунты, и Новгородское восстание, и неповиновение сибирских татар и башкир, и восстание монахов Соловецкого монастыря, и бунт Степана Разина... А потому, что, противопоставив «тишину» «мятежу», он прежде всего ставил перед собой прагматичные, даже утилитарные цели наведения порядка «в своем доме».

И титул «государя всея Руси» не должен вводить в заблуждение. Это был титул-идея, титул-мечта, титул-воспоминание о бывшем когда-то единстве русских земель. Алексей Михайлович не был инициатором проекта воссоединения земель, входивших когда-то в состав единого древнерусского государства.

Более того, и «самодержцем» он не титуловался. Он правил совместно с Земским собором согласно условиям, принятым в 1613 году при избрании на царство его отца Михаила Федоровича Романова. Титул «Царь, Государь, Великий Князь и всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержец» он принял лишь 1 июля 1654 года после того, как состоялась Переяславская рада. Следование малороссийским чаяниям (а казацкая старшина дюжинами отправляла в Москву просьбы принять Малороссию под скипетр русского царя) поставило перед Алексеем Михайловичем задачу выполнения функций, каковые соответствовали единодержавной власти, в частности, защиты новых подданных и обустройства вновь обретенных земель.

Идея объединения русского народа под властью единого государства исходила из юго-западных русских земель. Эта фактически региональная инициатива приобретала разные формы, в том числе и стихийного народного порыва. Идеологически она была обоснована образованной элитой – православным духовенством Юго-Западной Руси. Именно оно выстроило концепцию единого с древних времен славяно-русского народа, единого и непрерывного Киево-Московского государства от IX до XVII веков, неизменной приверженности православию разделенного русского народа. Этот идеологический натиск изолированных в системе доказательств «киевских старцев», знакомых с латинской ученостью, натиск с использованием близких русскому уму и сердцу идей, мифов, мотивов, повлиял на решение Алексея Михайловича выйти за рамки «тишайшей» политики.

Идеологический фон событий середины XVII века был гораздо сложнее, и воссоединение всей Руси не выглядело столь уж неизбежным и скорым. Советы, данные царю Юрием Крижаничем, приехавшим в Россию сербом-славянофилом, в его работе «Политика» (1666) свидетельствуют о наличии другой точки зрения. Он советовал Алексею Михайловичу укреплять «самовладство», сосредоточиться на решении вопросов внутренней политики, прежде всего социальной, укреплять рубежи государства, в прямом смысле закрыть границы, ограничив общение с иноплемениками и иноверцами. Это была программа защиты собственного эт-

нического, религиозного и исторического лица. Ю. Крижанич был первым, кто так явно и заинтересованно проводил идею России как национального государства.

Весьма показательным, что антиподом России у Крижанича выступала Польша, названная «новой Вавилонией», которая, по его мнению, являлась средоточием всех черт, приносящих гибель славянскому народу и государству. Если мыслить согласно этой логике, то воссоединение большей части русских земель, входивших в состав Польши, с Великороссией открывало перед Россией другую историческую перспективу – имперскую – со всеми ее недостатками.

В этой связи «Киевский синопсис» представляет несомненный интерес, поскольку победу одержала идеология воссоединения, обоснованная и развитая в этом произведении.

Как соединилась киевская идея общеславянского единства и московская концепция русской государственности

«Синопсис» был написан на основе «Хроники» Феодосия Сафоновича (Софоновича), игумена Киевского Златоверхого Михайловского монастыря, составленной в 1672–1673 годах. Это было актуальное историческое сочинение, нацеленное на формирование национального русского самосознания. Полное название труда – «Хроника, составленная

из Летописцев стародавних, из Нестора Печерского и иных, также из хроник Польских о Руси, откуда Русь началась». Изложение событий Феодосий Сафонович предварил замечанием: «Каждому ведь человеку необходимо знать о своей отчизне и другим вопрошающим рассказать. Ибо людей, не ведающих своего рода, глупыми почитают».

Великорусская историческая литература в XVI–XVII веках развивалась в направлении «обмирщения», то есть формирования светских исторических и социально-политических концепций. И концептуальным каркасом русских сочинений стали идеи национальной, культурной и государственной идентификации.

В XVII веке, приблизительно в одно время с «Киевским синопсисом», появились другие труды по русской истории. Если Крижанич в уже упомянутой «Политике» (1666) призывал отказаться от всех легенд при обосновании легитимности власти, то «История о царях и великих князьях земли русской» (1669) дьяка Федора Грибоедова, написанная по поручению Алексея Михайловича, воспроизводила основные государственные легенды.

В это время остро ощущалась необходимость написания русской истории в соответствии с новым рационалистическим мировоззрением. Вместо божественного провидения основными критериями должны были стать национальная, культурная, социальная и политическая целесообразность.

До нас дошел интересный памятник того времени – пре-

дисловие к ненаписанному труду по русской истории, называемому исследователями «Учение историческое» (1676–1682). Неизвестный автор считал, что историк должен занять активную и заинтересованную позицию и, соблюдая истину, вскрывать причины описываемых явлений. С горечью он признавал, что «только московский народ и российский историю общую от начала своего не сложили и не издано типографии по обычаю».

Отпечатанный типографским способом «Киевский синопсис» сыграл роль первого учебника русской истории, потому что его автор предпринял попытку соединить старые и новые приемы отстаивания единства русского народа, русского государства и русского православия.

Итак, «Киевский синопсис»...

О чем, как и для чего написан «Киевский синопсис»?

О славянах и русских

Сочинение начинается как средневековый исторический труд: излагается «начало истории», то есть Ноев потоп и раздел земли между его сыновьями (гл. 1).

Русской истории смысл был придан Богом, который выделил этот народ и поставил его на одно из видных мест в мировой истории. Если Симу достались восточные земли и сан священства, а Хаму – Африка и «иго работы», то Иафет

наследовал Европу и «достоинство Царское, храбрость воинственную и расширение племени».

В большей степени, по мнению составителя «Синописиса», предназначение Иафетова племени раскрылось в славянстве и в русском народе. *Славные*, то есть *славяне*, были наиболее воинственны, а *россияне* приобрели свое имя от великого *рассеяния* (гл. 2, 5). Русские, или российские, народы – это славяне, «единого естества, отца своего Иафета, и того же языка» (гл. 5). И потому *славянорусский народ* как народ «благонарочитой породы» с тех пор пребывает в величии и «венцом присноцветущей славы украшаем».

Античная история является неким фоном усиления славянского могущества. Из польских источников взяты легенды о даровании славянам Александром Македонским в IV веке до н. э. некоей грамоты о подтверждении их привилегий, о страхе перед славянами римского императора Августа и о якобы славянском происхождении германского вождя Одоакра, разорившего Рим (гл. 3)².

Таким образом, история славяноруссов вписывается Иннокентием Гизелем в концепцию «один народ – одно происхождение – одна страна – одна цель». Интересно в этой связи, как гармонично в текст «Синописиса» во вводных обзорных главах о географии континентов добавлено упоминание о присоединении Казани и Астрахани Иваном IV. Здесь гос-

² На буквальном прочтении этих легенд в современных псевдонаучных и идеологических учениях составители решили не останавливаться.

подставляет смысл истории, а не строгое следование хронологии и логике. Ведь смысл деяний Ивана Грозного – выход во владения Сима, следование царственному предназначению Иафетова племени (гл. 4).

Показательно и то, что при перечислении европейских народов и государств синоптик выстраивает закономерную очередность: сначала следует территория Византии, затем «Славяне, Русь, Москва, Польша, Литва», затем «ближнее зарубежье» славянских народов, и лишь потом в хаотичном беспорядке страны и народы Западной, Северной и Южной Европы (гл. 4).

«Синописис» – сочинение переходного типа, поэтому порой исторические факты, почерпнутые из античных сочинений, трактуются символически, а библейские тексты, напротив, не иносказательно, а буквально. Так, здесь воспроизводится легенда о том, что Москва получила свое имя от сына Иафета Мосоха, и потому русские стали называться «мосховитами», то есть москочитами (гл. 8).

Иннокентий Гизель добавил в свой труд отдельные главы о сарматах и роксоланах (гл. 6, 7). Его версия о взаимодействии славян с этими народами перешла в историческую науку XVIII–XX веков (М.В. Ломоносов, Д.И. Иловайский, А.В. Арциховский, П.Н. Третьяков, Б.А. Рыбаков и др.).

Культивируемая автором «Синописиса» идея славянорусской общности нашла выражение и в используемой терминологии. Народ, истории которого и был посвящен этот труд,

составитель называл «славяне», «русь», «росы», «россы», «русины», «русские», «русские», «россияне», «славяноруссы», «славянороссияне», «народ роскый», «российский народ», «народ русский». Это служит дополнительным средством доказательства той мысли, что «россы страну, естеством же едины» (гл. 16).

Иннокентий Гизель не был оригинален: «русскими» и «российскими» во многих сочинениях того времени назывались народ и язык, которые в настоящее время вследствие политических пертурбаций и идеологических концепций получили различное наименование.

Например, переведенная Франциском Скориной «Библия» (XVI в.) была названа автором «Бивлия руска». Острожская библия 1581 года была адресована «о Христе избранным в народе русском, сыном Церкви восточная, и всем съгласующимся языку словенскому и съединяющимся тояжде церкви православию христоименитым людям». В польской «Хронике» М. Стрыйковского язык Юго-Западной Руси назван «славянским русским». Немецкий дипломат С. Герберштейн писал в своих «Записках» (XVI в.): «Из государей, которые ныне владеют Россией, главный есть великий князь Московский, который имеет под своею властью большую ее часть, второй – великий князь Литовский, третий – король Польский, который теперь правит и в Польше, и в Литве».

Автор «Синописа» считает всю Россию общим достоя-

нием русского народа. И потому Юго-Западная Русь, находящаяся под чужой властью, для него – часть единой России, а народ, населяющий эти земли, – часть русского народа.

Этим объясняется тот факт, что в описании событий с IX по XVII век он использует общие формулы: «Российский главный град Киев», «заступник наш российский Святой апостол Андрей Первозванный», «древние Летописцы Российские», «Российская земля» и «страна Российская», «народ Российский» и т. д.

Следовательно, российская история, по версии синоптика, начинается с происхождения единого славянорусского народа и заканчивается объединением русских земель под властью русского царя Алексея Михайловича и его наследника Федора Алексеевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.